

условия успешности осуществления других речевых актов, получить информацию для дальнейших действий. После генерального речевого акта вопросительные предложения задаются участниками эпизода общения для получения разъяснений или пояснений, с их помощью говорящий может попытаться переубедить собеседника, особенно в том случае, если собеседник отказался принять генеральный речевой акт говорящего к сведению.

Относительно тенденций употребления вопросительных предложений на разных этапах деятельности можно отметить следующие. Первичное значение вопросительных предложений (запрос собственно информации) реализуется преимущественно на этапах постановки цели деятельности, осуществления деятельности и обсуждения результатов деятельности (этапы 1, 3, 5), поскольку на первых двух этапах необходима информация, чтобы знать, как действовать, а при обсуждении – узнать о подробностях того, что случилось. На данных этапах вопросительные предложения с вторичными функциями встречаются только в тех случаях, когда социальный статус адресата выше социального статуса инициатора общения.

На этапе поиска и планирования деятельности вопросительные предложения используются коммуникантами в качестве «разведки» перед дальнейшими действиями:

- 1) выявление интересов малознакомого собеседника;
- 2) проверка условий успешности последующего речевого акта просьбы, приглашения или предложения;
- 3) проверка отношения собеседника к говорящему, к деятельности, к третьим лицам.

На этом этапе, а также на четвертом – коррекции результатов деятельности – особенно часто встречаются вопросительные предложения, обладающие вторичными функциями, иначе говоря, передающие косвенные речевые акты.

Таким образом, с помощью вопросительных предложений происходит достижение практических целей коммуникантов. Говорящие анализируют параметры матрицы коммуниканта, на которые можно воздействовать, чтобы реализовать свою цель эффективно. Как показал исследуемый материал, на первом, третьем и пятом этапах деятельности основным параметром для воздействия становится параметр знания, на втором и четвертом этапах ведущую роль начинают играть параметры отношений – к знаниям, к партнерам по коммуникации, к самой деятельности.

С. В. Кондракова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПРИЧАСТИЙ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Причастие – сложное явление, объединяющее разнообразные единицы языка. Как в эпоху античности среди создателей грамматики на основе разработки частей речи не было единого мнения об этом языковом феномене, так и в современном языкознании отражено разнообразие представлений причастия, причем не только в рамках грамматики, но и с позиций лексики,

словообразования, стилистики. Вполне естественно, что в этом разнообразии нашлось место колебаниям и сомнениям по главному вопросу – статусу причастий в лексико-грамматической классификации языковых единиц. Определяя этот статус в немецком языке, одни грамматисты относят причастия к глаголу; другие помещают их между глаголом и прилагательным; третьи видят причастие II в системе глагола, а причастие I в системе прилагательного; четвертые, учитывая историю развития причастий, придерживаются мнения, что как раз причастие I должно быть отнесено к глагольной парадигме, поскольку оно всегда входило в сферу глагола, тогда как причастие II продолжительное время находилось в сфере прилагательного, и лишь более поздний процесс, в ходе которого вербальное начало возобладало над адъективным, привел его в парадигму глагола.

Разнородность перечисленных толкований причастия объясняется разным подходом к их основному системному свойству – категориальному значению. Именно категориальное значение подчеркивалось целым рядом известных отечественных языковедов как главный критерий части речи, соответственно, лексико-грамматического класса слов.

Традиционно в качестве категориального значения были признаны предметность для существительного, действие для глагола, качество для прилагательного и т.д. В отношении причастия его категориальным значением одни лингвисты считали и считают качество, другие – действие, третьи признают в причастии явление с двумя основаниями – глагольностью и адъективностью, что предполагает его трактовку в ракурсе двойной категориальности.

При выведении признаков, свидетельствующих о связи причастия с частеречной *категорией глагольности*, направляющими служат следующие моменты:

1. Прежде всего сохраняется общее с глаголом *лексическое значение*, причем у причастий оно не только сохраняется, но и имплицитно более широкая семантическая структура соответствующего глагола – *der lesende Student (Der Student liest); das gelesene Buch (Jemand hat das Buch gelesen)*.

2. Как и личным формам глагола, причастиям свойственна глагольная *категория залога*. Четкой дифференциацией по этому признаку отмечены причастия от переходных глаголов, когда разные причастные формы одного и того же глагола могут по-разному характеризовать определяемую ими предметную сущность – то как действующую, активную, то как испытавшую воздействие, пассивную: *die treibende Kraft* – активное значение; *die getriebene Maschine* – пассивное значение. Если обе причастные формы образованы от непереходных глаголов, то обе могут быть отмечены компонентом активности в своем значении, хотя такие случаи не часты в языке, как, например: *der fortlaufende Junge, der fortgelaufene Junge*. Главная же разница в том, что причастия I всегда выражают этот компонент значения, а причастия II в преобладающем большинстве характеризуются компонентом неактивности. Иногда и причастиям I присуще пассивное значение, как в случаях *die fallende Sucht, die sitzende Lebensweise*, а причастиям II от переходных глаголов – активное значение, как в случаях *ein erfahrener Mensch*,

ein eingebildeter Mensch. Однако в такого рода примерах наличествует оттенок фразеологического оборота с окачествленным причастием, т.е. причастием, ставшим уже прилагательным, и они в общем плане не показательны.

3. Причастия отражают *видо-временное* значение, при том что и в этом вопросе нет однозначности в суждениях лингвистов. Несмотря на отсутствие категории вида у личных форм глагола немецкого языка, она имеется у причастий. Для других лингвистов очевидно и первостепенно значимо наличие в причастии временного значения, а не видового. И если по одной версии из этих двух значений видовое является основным и обуславливает временное значение, то по другой не видовое, а временное значение есть маркирующий признак причастия. Со времен Я. Гримма принято различать в этой связи причастие I “*Partizipium Präsens*” и причастие II – “*Partizipium Präteriti (Perfekt)*”, т.е. причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени.

4. В плане синтаксиса причастия полностью сохраняют *синтагматическую связь*, типичную для глагола. Имеется в виду валентность, которая предопределяется у причастия валентностью соответствующего глагола, т.е. она им детерминирована, например: *eine Art auf mich lauende Unfreundlichkeit* (*Eine Art Unfreundlichkeit lauert auf mich*); *die ständig an den Vertrauensmann gestellten Fragen* (*Die Fragen werden ständig an den Vertrauensmann gestellt*).

По связи с частеречной категорией *адъективности* причастия характеризуются иными признаками, в первую очередь на уровне синтаксиса:

1. Обе причастные формы реализуют атрибутивную функцию прилагательного – *Gerade noch rechtzeitig wurde der ausgestellte Reisepass unterschrieben. Aber da Ehrl-König mit ... wild kreisendem Kopf und einer steigernden Stimme demonstrierte, wie er darunter gelitten habe*.

2. Оба причастия, как и прилагательные, выступают в функции предикативного определения – *Er hat sie stehen lassen, beim Strandbad am See, ... wo sie jetzt leicht frierend neben mir stand ... und hemmungslos weinte. Aus einer der Höhlen kam ein älterer Mann auf Robert gerutscht und verlangte, er solle mit ihm beten*.

3. Оба причастия выполняют функцию обстоятельства образа действия, также свойственную прилагательному (в краткой форме) – *... das war der Augenblick, als sie in ihrem signalroten Automobil lachend und winkend ... sehr langsam auf mich zurollte. Und ich sah auf die beiden hinab, die auf ihre Schlafsäcke gelagert hinter mir saßen und ein Kartenspiel spielten*.

С атрибутивной синтаксической функцией у причастия связаны морфологические признаки рода, числа, падежа, но они, как и у прилагательного, проявляются только в условиях согласования с определяемым существительным – *ein spielendes Kind, das spielende Kind, die spielenden Kinder; eine ausgespielte Karte, das gutgespielte Theaterstück*. Все вышеперечисленные признаки свидетельствуют о связи причастия с прилагательным. Но адъективно функционирующие причастия имеют по сравнению с прилагательными и определенные ограничения: *der bellende Hund – der bellendere* Hund*

(вместо этого: *der lauter / heftiger bellende Hund*). Только если они полностью адъективировались, т.е. перешли в разряд прилагательных, это ограничение по отношению к ним не действует: *ein reizendes Hündchen – ein reizenderes Hündchen – das reizendste Hündchen*.

Связь причастий с частеречной категорией *субстантивности* (предметности) очевидна только тогда, когда причастия выступают как продукты адъективно-причастной субстантивации или конверсии, представляющей собой особый случай имплицитной деривации. Признаками субстантивированных причастий в их отношении к глаголам являются стандартные признаки причастий – лексическое значение, время, вид, залог, при том, что синтаксические функции изменяются. Все вместе выглядит следующим образом:

1. По лексическому значению субстантивированные причастия соотносятся с соответствующими глаголами: *der (die) Angeklagte – anklagen*, *der (die) Beauftragte – beauftragen* и др. Существенно важно, что, становясь единицами субстантивного класса, причастия неизбежно включаются в процесс лексикализации, с которым связано ослабление в разной степени их исконной глагольности.

2. По глагольному признаку *время* субстантивированные причастия дифференцируются внутренне: *der Angeklagte – der Klagende*; *der Kommende – der Gekommene*.

3. Признак *залога* выражен в субстантивированных причастиях вполне четко: *der Packende – das Gepackte*; *der Sprechende – das Gesprochene*.

4. Сохраняя *валентность* глагола, субстантивированные причастия переводят ее в синтаксическую позицию атрибутивной связи, т.е. глагольная валентность реализуется у субстантивированных причастий внутри атрибутивной позиции при них: *Vorsitzender des Sachverständigenrats für Umweltfragen in Berlin*.

5. Главное же состоит в том, что данные причастия выполняют все синтаксические функции существительного и обладают категориальными признаками этой части речи – рода, числа и падежа.

Итак, для первично-глагольных причастий и глаголов общими являются лексическое, видо-временное и залоговое значения, а также валентность; для причастий как прилагательных, кроме этих, общими являются синтаксические функции и морфологические формы согласования; причастиям как существительным, помимо тех же признаков, присущи синтаксические функции имени в предложении, атрибутивная валентность. Перечисленные признаки по своей значимости не равноценны: одни из них отражают как бы исходную содержательную сторону причастия, и к ним относятся лексическое, видо-временное и залоговое значения; остальные мотивируют формально-синтаксическую специфику и преобразование лексического значения.

Таким образом, логично признать, что для категориальной сущности причастия бесспорно значимыми являются признаки лексико-семантического, видо-временного и залогового значений.